

1996к
252.16)

TARTU ÜLIKOOLI
VENE KIRJANDUSE ÕPPETOOL
КАФЕДРА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ТАРТУСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

БЛОКОВСКИЙ СБОРНИК
XVI

АЛЕКСАНДР БЛОК
И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

*В Библиотеку
Труженнического Дома
от кафедры русской
литературы Тартуского
университета*

8.07.2003

TARTU ÜLIKOOLI
KIRJASTUS

здешним вечером». Характеристика Кузмина как «последнего близкого друга Ахматовой» (6, 435), данная в этом письме, вполне справедливо названа авторами «никак не соответствующей действительному положению дел» (*Тименчик Р. Д., Топоров В. Н., Цивьян Т. В.* Указ. соч. С. 272). Однако вряд ли это является результатом плохой осведомленности Цветаевой о взаимоотношениях поэтов, скорее это выражение сознательной авторской позиции, следы которой есть и в тексте эссе.

О ГЕНЕЗИСЕ ТОПОНИМА «СТУДЕНЕЦ»:
ИЗ КОММЕНТАРИЯ К ПОВЕСТИ
А. РЕМИЗОВА «ПЯТАЯ ЯЗВА»

СЕРГЕЙ ДОЦЕНКО

«Пятую Казнь» еще никогда не читал. Она меня глубоко потрясла. <...>
«Куликово Поле» и «Пятая Казнь» произведения вещи.

(Из письма А. Белого — А. Ремизову)

Апокалиптический подтекст повести А. Ремизова «Пятая язва» (1912) уже был отмечен (и отчасти рассмотрен) в статьях ремизоведов (см.: [Сёке 1989; Грачева 1992; Aronian 1992: 132–134; Грачева 2000: 100–124; Грачева 2001]). Ставился, разумеется, и вопрос о происхождении самого названия провинциального города, в котором происходит действие этой повести, — Студенец. Исследовательница Каталин Сёке первой связала название города Студенец с семантикой ада (в частности, с мотивом холода (стужи), который в некоторых апокрифических и литературных текстах становится знаком преисподней): «Название маленького города у Ремизова — “Студенец” — может быть расшифровано <...>: 1. *Студенец* — ‘ад’ — имеет в виду значение слова *студа* как ‘холод, мороз, зноба’ или церковнославянское *студень* ‘холод, стужа’, — поскольку в христианских описаниях ада часто встречается мотив холода и льда <...>» [Сёке 1989: 385]. При этом К. Сёке опиралась на черновой автограф повести А. Ремизова, находящийся в ОР РНБ (Ф, 634. № 4.1), в котором упоминается мотив, навеянный «Божественной комедией» Данте: «Пришли бесы из флегетона от смолы и серы горящей и от Коцита, где так студено, что всякую адскую горячину обращает в лед» (цит. по: [Сёке 1989: 386]).

По мнению К. Сёке, название города «Студенец» является производным от такого признака ада, как «холод, стужа», а сам город — олицетворением ада.

В комментарии к 4-му тому «Собрания сочинений» А. Ремизова А. Грачева привлекает для объяснения генезиса некоторых мотивов и образов «Пятой язвы» апокрифическое «Откровение Мефодия Патарского» (см.: [Грачева 2001a: 514; Грачева 2001: 500–501]; ср. также: [Грачева 2000: 108]). К самому же слову-топониму «Студенец» А. Грачева дает такое примечание: «Студенец — колодец, ключ из земли, родник. Название города, возможно, восходит к цитате из “Слова Мефодия Патарского”. Когда наступят последние дни перед концом света, то “облаки не дадут воду, земля отвернется плодоть своихъ, море исполнится смрада, рыбы его изомрутъ, рьки иссохнутъ, студенцы оскудеютъ”» [Грачева 2001a: 514–515]; см. также: [Грачева 1992: 235–236; Грачева 2000: 108].

Очевидно, что в отличие от первой трактовки, предложенной К. Сёке, в трактовке А. Грачевой (пускай и осторожной¹) появляется новый мотив: *студенец* — это «колодец, ключ из земли» (см.: [Даль 1956: IV, 347]). При этом, разумеется, сохраняется и другое значение: «холод, стужа». Но есть ли в собственно ремизовской трактовке этого имени (топонима) значение «колодец»? И можно ли это второе значение связывать со значением холода-стужи как атрибута ада? Пока что такая связь кажется вероятной, но не очень очевидной (а тем более доказательной). Разрешается этот вопрос на удивление просто.

Все дело в том, что недостающее связующее звено между двумя значениями слова *студенец* («холод-стужа» = ад — и «колодец») отыскивается в тексте, который был равно хорошо известен как писателю А. Ремизову, так и современным исследователям его творчества. Этот текст — Откровение св. Иоанна Богослова. Разница лишь в том, что читали они этот текст на *разных* языках.

Совершенно очевидно, что само название повести А. Ремизова есть реминисценция из Откровения Иоанна Богослова — в XV главе Откровения упоминаются «семь Ангелов, имеющих семь последних *язв* <курсив мой. — С. Д.>, которыми

оканчивалась ярость Божия» (Откр. XV, 1). На это уже указала К. Сёке, процитировав соответствующее место из Откровения (см.: [Сёке 1989: 385]). Она же упомянула XVI главу Откровения, в которой было сказано: «Пятый Ангел вылил чашу свою на престол зверя: и сделалось царство его мрачно» (Откр. XVI, 10). Надо понимать так, что пятая чаша, вылитая пятым ангелом на престол зверя, и содержала *пятую язву*. Но исследовательница прошла мимо гл. IX, в которой о том же пятом ангеле сказано: «Пятый Ангел вострубил, и я увидел звезду, падшую с неба на землю, и дан был ей ключ от кладязя бездны. Она отворила кладязь бездны, и вышел дым из кладязя, как дым из большой печи; и помрачилось солнце и воздух от дыма из кладязя» (Откр. IX, 1–2).

В этой цитате — ключ к происхождению у Ремизова топонима Студенец. Все дело в том, что в старославянском тексте Откровения это место читалось несколько иначе: «И пятый аггль воструби, и видехъ звезду съ нбсе спадшу на землю. И дань бысть ей ключъ *студенца* бездны. И отверзе *студенца* бездны. И възиде дымъ от *студенца* яко дымъ печи велики, и оумерче слнце и въздухъ от дыма *студеничнаго*» (Откр. IX, 1–2)².

Как видим, в синодальном переводе со старославянского языка на русский язык слово *студенец* (в значении: «колодец»³) последовательно было заменено на слово *кладязь*. В текст повести А. Ремизова «Пятая язва» слово *студенец* (уже в функции топонима) попало из Откровения Иоанна Богослова, причем в значении: «колодец бездны», т.е. «колодец ада». Падшая на землю звезда получила ключ от «колодца ада» и отверзла его (на что указывает и такой атрибут ада, как пошедший из него дым, который «помрачил солнце и воздух»).

Между прочим, упомянутая в Откровении «падшая звезда» тоже попала в повесть А. Ремизова. При этом имплицитное упоминание апокалиптической «падшей звезды» одновременно содержало указание на комету Галлея (названа именем английского астронома Э. Галлея; период обращения вокруг Солнца — 75–76 лет). Последнее наблюдаемое явление кометы произошло в 1910 г. (комета прошла перигелий 19 мая 1910 г.), т.е. незадолго до начала работы писателя над пове-

стью «Пятая язва» (1911–1912)⁴. Появление кометы Галлея в 1910 г. было воспринято как знамение апокалиптического рода, например, в стихотворении А. Блока «Комета» (1910)⁵ и в его же поэме «Возмездие» (1916):

Пожары дымные заката
(Пророчества о нашем дне),
Кометы грозной и хвостатой
Ужасный призрак в вышине <...> [Блок 1980: 277].

В повести Ремизова «Пятая язва» мотив кометы («падшей звезды») отразился в следующем эпизоде (гл. 4. «Дубоножие»): «В прошлом году приказчик *истребительного* <выделено А. Ремизовым. — С. Д.> общества из бывших матросов Кочнов вдруг ни с того, ни с сего, в ожидании кометы привязал себя веревкой за якорь и закопался в землю. Только с помощью Петруши Грохотова, как сам Петруша уверял всех в клубе, извлекли Кочнова из ямы, но бедняга уж недолго погулял по белому свету, затосковал и до кометы помер» [Ремизов 2001: 4, 240].

Если учесть, что повесть Ремизова «Пятая язва» была написана в основном в 1911 г. (а события, в ней описанные, явно современные), то слова повествователя («в прошлом году») явно указывают на год появления кометы Галлея, т.е. на 1910 г.

Как бы то ни было, слово «студенец», 3 раза употребленное в указанном месте Откровения св. Иоанна Богослова (в его старославянской версии), закономерно оказалось и в «апокалиптической» повести Ремизова «Пятая язва», но уже в функции символического топонима.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Исследовательница не исключает и того, что топоним Студенец мог быть заимствован Ремизовым из современной ему топографии: деревни с названием Студенец были в Нижегородской и Калужской губ. (см.: [Грачева 1992: 235; Грачева 2000: 108]).
- 2 Текст Откровения цитируется по синодальному изданию (курсив везде мой).

- 3 Ср.: «Студенець = стюденець — родник, ключ. <...> Стюденець, рекомый кладязь, близь ея бе. Ип. л. 6767» [Срезневский 1989: стлб. 575].
- 4 Бегло о связи кометы Галлея с этим мотивом повести Ремизова упомянула американская исследовательница Г. Слобин (см.: [Слобин 1997: 126]).
- 5 «Ты нам грозишь последним часом, // Из синей вечности звезда!» [Блок 1980: 160].

ЛИТЕРАТУРА

- Блок 1980: Блок А. Собр. соч.: В 6 т. Л., 1980. Т. 2.
- Грачева 1992: Грачева А. Судьба России в литературе 1910-х гг.: (Повесть А. Ремизова «Пятая язва») // Литература и история: Исторический процесс в творческом сознании русских писателей XVIII–XX вв. СПб., 1992. С. 229–251.
- Грачева 2000: Грачева А. Алексей Ремизов и древнерусская культура. СПб., 2000 [Studiorum Slavicorum Monumenta. Т. 19].
- Грачева 2001: Грачева А. Апокалипсисы Алексея Ремизова: («Пятая язва» и «Плачужная канава») // Ремизов А. Собр. соч. Т. 4: Плачужная канава. М., 2001. С. 499–510.
- Грачева 2001а: Грачева А. Комментарии. «Пятая язва» // Ремизов А. Собр. соч. Т. 4: Плачужная канава. М., 2001. С. 511–526.
- Даль 1956: Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1956. Т. I–IV.
- Ремизов 2001: Ремизов А. Собр. соч. Т. 4: Плачужная канава. М., 2001.
- Сёке 1989: Сёке К. Модель ремизовского ада: (Анализ повести «Пятая язва») // Studia Slavica Hung. 1989. Т. XXXV. 3–4. Р. 385–392.
- Слобин 1997: Слобин Г. Проза Ремизова: 1900–1921. СПб., 1997.
- Срезневский 1989: Срезневский И. Словарь древнерусского языка. М. 1989. Т. 3. Ч. 1 (репринтное изд.).
- Aronian 1992: Aronian S. Remizov: Revolution and Apocalypse // Canadian-American Slavic Studies. 1992. Vol. 26. 1–3. P. 119–140.